

*иллюстрации
Кати Милославской*

Спроси меня про Ленинград

За столиком на Малой Садовой, у самого окна, ела булочки, пила кофе и шумно радовалась жизни компания молодых людей. Юноши и девушки обсуждали, куда бы им направиться после кафе и что еще интересного можно посмотреть в Петербурге. Они говорили о нем как о малознакомом городе.

Неожиданно их внимание привлекла сценка за окном. Там несколько человек, соревнуясь в меткости, по очереди подкидывали деньги к небольшой скульптуре на углу дома.

— Опс! Еще один промахнулся!

— Это кот что ли там сидит? Ему бросают?

— Конечно. Разве не видишь? В натуральную величину...

Чугунный кот степенно восседал на подставочке над головами прохожих. Щурясь, он сквозь серенькую холодную морось следил за людьми и их взлетающими монетками.

Скульптура была неброская, так что не каждый обратил бы на нее внимание. Это других петербургских существ — драконов, водных коней и всяких там горгулий, которые не таясь красуются на фасадах и решетках города, — взгляд не пропустит. А кошки, даже если они сделаны из чугуна, предпочитают оставаться незамеченными.

— Я слышала про этого кота, — сказала одна из девушек за столиком. — Загадываешь желание и бросаешь монетку. Если обратно не упадет, то все сбудется. Сейчас еще найду про него.

Она сосредоточилась на мобильнике, а ее друзья стали говорить о разных желаниях. Они вдруг вспомнили одного своего преподавателя, который мучил их в последнюю сессию. Хоть бы он немного подобрел... или уволился. Вот о чем надо попросить котика, со смехом решили студенты. Коллективное желание — это сила.

— Слушайте. Кота зовут Елисеем, — наконец объявила девушка. — Напротив него есть еще одна скульптура, кошка Василиса...

— Ну надо же! Мы два раза мимо проходили и ничего не заметили, — перебил ее бородатый парень с модным пучком на макушке.

— Ходить-то ходили, но только под ноги себе смотрели... А в Питере надо голову почаще поднимать. Все главное как раз наверху находится.

— Да тут смотри, не смотри... Уж очень эти фигурки незаметные.

— Так кошки же!

— А что-то еще про них написано?

— Написано, только вы мне договорить не даете, — то ли пошутила, то ли вправду обиделась девушка. — Ладно, все сначала...

Это, типа, памятник кошкам, которые в годы войны спасли Ленинград от крыс. Котеек специально завезли из других городов.

— Своих не было, что ли?

— Свои все погибли во время блокады, — авторитетно заявил бородатый парень. Холеная густая борода странно смотрелась на его почти детском лице. — Общеизвестный факт. Ни одного кошака не осталось.

— Нет, не все погибли. Один ленинградский кот точно пережил Блокаду, — раздался женский голос.

Слова прозвучали совсем рядом. Студенты повернулись к соседнему столику. За ним сидели бабуля с внуком. Бабушка была обыкновенной аккуратной старушкой, таких много в Петербурге. В ее словах прозвучала обида за того выжившего кота, и молодые люди поняли: старушка знает, о чем говорит — она сама находилась там в то время.

— Извините, я не хотела вмешиваться в ваш разговор, — спохватилась пожилая женщина. В ухе у нее пластмассовой улиткой торчал слуховой аппарат.

— Ну что вы! — искренне заверили ее студенты, им очень захотелось услышать историю из первых уст. — А какое имя у того блокадного кота было? Не Елисей случайно?

Как многие туристы в Петербурге, они уже почувствовали, что внутри большого города находится еще один: тайный, оберегающий от чужих не только свои дворики, маленькие сады, каналы с темной водой, но и свое прошлое. И вот удача улыбнулась им. Этот недостижимый Питер не просто заметил их, он заговорил с ними голосом своего старожилы. Им бы затихнуть да послушать, но они раньше времени выхватили подарок, стали бесцеремонно заглядывать внутрь. Они не собирались никого обижать, просто у них было очень хорошее настроение.

— А можно мы сами догадаемся? — не унимались молодые люди. — Барсиком тот кот был скорее всего. Или... Васькой?

— Нет, я лучше знаю. Мурзиком его звали! — подхватил игру бородатый парень. Вежливую улыбку старушки он расценил как одобрение. — Я угадал?

Пожилая женщина не пришла ему на помощь. Вместо ответа она сказала своему внуку, что пора собираться домой. И сняла свой бежевый плащик со спинки стула. Может, не расслышала? Нет, ее слуховой аппарат работал исправно: она только что разговаривала с официантом, расплачиваясь за кофе.

Всем наконец стало понятно, что бабуля с характером, она не намерена развлекать незнакомую молодежь воспоминаниями про блокадного кота. Слишком уважает память о нем. И вообще эта история не из тех, что рассказывают на ходу. Но, направляясь к двери, старая женщина все же остановилась перед столиком студентов:

— Его звали Рыжиком. Иногда просто Рыжим.

Тут пластмассовая улитка в ее ухе издала слабенький, но очень въедливый писк. Господи, как только она терпит эту назойливую штуковину в своем ухе?

— Мы все собирались придумать другое имя, но так и не придумали, — словно извиняясь, сообщила старушка притихшей компании.

Бабушка и внук вышли на улицу. Полюбовавшись Василисой, которая кокетливо замерла на карнизе второго этажа, они подошли к Елисею.

— Я хочу монету к нему закинуть, — сказал мальчик.

— Сейчас, Петенька.

Старая женщина торопливо раскрыла свою сумку, чтобы найти деньги, но мальчик остановил ее. У него у самого в кошельке было полно мелочи и кое-что покрупнее имелось: родители снабдили перед поездкой.

Зажав в кулаке новенькую двухрублевую монету, Петя сосредоточенно примерился, размахнулся...

— Эх!

Сверкающая денежка упала на землю, не долетев до Елисея.

— Ты поближе встань, вот так подкинь, — с неожиданным азартом подсказала внуку бабушка.

После третьей попытки монета осталась у кота.

— Получилось! — засмеялся мальчик.

— А желание-то загадал?

— Забыл! — Петька, совсем не огорчившись, весело развел руками. — Да это и неважно!

Он просто был рад тому, что не промахнулся.

Бабушка и внук медленно зашагали по улице. С неба летели редкие снежинки, они щекотали лицо и сразу таяли на губах.

— Баб Тань, а вы ведь про своего кота им сказали, — вдруг произнес мальчик.

Но бабушка как будто не услышала его.

— А что мы завтра делаем? — погромче спросил он.

— Поедем в Петропавловскую крепость. Хочу показать тебе монетный двор, Петенька. Там твой прапрадед работал.

Пока они шли, ветер усилился, снежинки стали впиваться в лицо. Они больше не казались ласковыми.

— А еще что-нибудь там есть? — без особого энтузиазма поинтересовался внук, натягивая капюшон. Ему было зябко в Петербурге.

— Музей космонавтики. В него тоже ходим.

— Это уже поллучше! — оживился он, а она в который раз с любовью подметила, что Петя улыбается так же, как все в их роду — до гусиных лапок возле глаз. Ее единственный, любимый мальчик...

Баба Таня давно поняла, что петербургская история семьи, возможно, закончится на ней, одинокой старухе. И сейчас она просто утешалась мыслью о том, что успеет поводить внука по самым важным местам, из рук в руки передать ему этот город.

Она не просила судьбу о многом. Всего лишь хотела, чтобы внук заметил простор реки, особенное серебро облаков и парад прижатых друг к другу домов и не жаловался бы больше на порывы влажного ветра, который наполняет легкие густым морским воздухом. Ну, а потом... Что потом ее мальчик будет с этим делать, куда поместит этот город в своей памяти, зависело только от Пети.

Отворачивая лица от роя колючих снежинок, они вышли на угол Невского и остановились перед витриной Елисеевского гастронома полюбоваться порхающими в ней механическими ангелочками.

— Давайте зайдём. Ни разу не бывал здесь, — попросил мальчик.

Он обращался к своей петербургской бабушке на «вы». Это «вы» каждый раз медленной болью оседало в ее сердце, отмеряя дистанцию между двумя столицами и напоминая, что не она, а другая, московская бабушка, вынянчила этого мальчика.

— У себя в Москве ты не ходил в Елисеевский?

— Ходил пару раз с отцом. Вот хочу сравнить.

В магазине они сразу направились в кондитерский отдел.

— Ну, выбирай, — весело предложила баба Таня. — Вечером чаю попьём!

Петька прилип к витрине, переводя внимательны взгляд от одной сладости к другой. От похожего на цветы печенья к разноцветным

кубикам мармелада. От них — к нежным белым облачкам безе. К конфетам в больших стеклянных вазах. К пирожным в форме экзотических плодов. И к придуманным для особых случаев тортам с напудренными невесомой сахарной пылью боками, с шоколадными буквами или цифрами, с нарядными фигурками из марципана.

Баба Таня, глядя на это изобилие, почему-то вспомнила о небольшом складе провизии, который всегда имелся у нее дома. Это был запас на всякий случай. Греча, песок, сгущенка, рис, мука, макароны. Проверяя его, она каждый раз невольно прикидывала, сколько недель можно продержаться с таким набором.

Все в нем было самое простое, потому что человеку не нужны необыкновенные сладости и другие изыски. Очень голодные люди мечтают о гороховом супе, каше с маслом, пирогах, котлетах. Это грустное знание всегда было с бабой Таней, от него не спрячешься. Но она не собиралась расстраивать воспоминаниями ни себя, ни тем более Петеньку, который приехал всего на несколько дней.

* * *

— А мы вправду сейчас на острове?

Развалившись на стуле после чаепития, Петька снова взял в руки смартфон.

— Ну да. В очень старое время здесь даже постоянного моста не было, чтобы на Адмиралтейский перебраться, — начала с воодушевлением рассказывать Татьяна Петровна. — Царь хотел каналы сделать, как в Амстердаме. Их уже распланировали, но так и не построили, а улицы на этом месте остались, их линиями называют. А еще в наш порт корабли со всего мира приплывали. У нас на Васильевском историей каждый уголок наполнен.

— И Вы всегда в этом доме жили?

Петя обвел взглядом бабушкину комнату: старый резной буфет, пианино с двумя знакомыми царапинами, похожими на «Л». Громоздкий темный шкаф, расписанная букетиками и бабочками изящная угловая полка. Кровать в нише и раскладной диван, на котором он спит во время своих нечастых приездов.

— Я здесь родилась. И папа твой вырос. Мои воспоминания с этим домом связаны. Самая первая память вся пронизана солнышком. Я в белой вышитой кофте сижу здесь на корточках, что-то болтаю, учусь говорить. У меня в руке булавка с большой красной бусиной, я царапаю паркет этой булавкой и люблюсь пылинками, которые летают в столбике света. И тут входит отец — в косоворотке, с большим

портфелем. Он только что вернулся с работы. От него пахнет папиросами и свежей газетой, которую он принес с собой. А его портфель пахнет кожей. Я тянусь к этому портфелю. Хочу узнать, каким подарочком побалуует меня папа. Обычно это была конфета. А он берет меня на руки, подбрасывает, крепко целует...

Слушая рассказ бабы Тани, Петька тайком позевывал. Ему было скучно. Он бы с удовольствием погрузился в игру в своем мобильнике, но следующий уровень только через двадцать две минуты и три секунды. И видео здесь просто так не посмотришь. У бабушки как назло не было вайфая.

Не клеились у него разговоры с бабой Таней. Она то приставала с расспросами о школе, друзьях и отметках, то рассказывала о совершенно незнакомых и неинтересных ему людях и местах. Петербург — красивый город, конечно. Но чужой...

Петя подошел к стене с фотографиями и посмотрел на снимок мужчины в военной форме.

— Это Ваш папа?

— Да. Успел сфотографироваться перед отправкой на фронт. Тебя называли в честь него.

По соседству с прадедушкиной фотографией висел рисунок, с которого на Петю смотрел кот, он сидел на коленях у девочки. Портрет был замечательный, хотя выглядел незаконченным. Девочка и кот казались аппликацией, наклеенной на чистый лист. Художник по какой-то причине не нарисовал фон.

Краски на портрете выцвели, но глядя на оранжевую шерсть кота и пионерский галстук девочки, можно было представить, какими яркими эти акварели были раньше. Петя знал, что пионерка на портрете — это его бабушка Таня, а кота звали именно Рыжиком.

— Я хочу завести кошку, да мама не разрешает. Она не любит кошек. Говорит, они вещи портят, по квартире носятся, мяукают.

Баба Таня улыбнулась:

— Обычно кошек не любят те, кто их никогда не имел. И что же ты маме на это отвечаешь?

— Я ей отвечаю: да ты что, кошки уют вырабатывают! А мама говорит, они только шерсть и запах вырабатывают...

— Что ж, никто не идеален. Зато они очень симпатичные и преданные. Бывали случаи, когда кошки возвращались домой спустя годы, через тысячи километров. Они изменяют жизнь своих хозяев к лучшему и даже спасают их, жертвуя собой.

— А расскажите мне про Рыжика!

Но вот странно: обычно словоохотливая баба Таня не поспешила откликаться на просьбу внука.

— Не разобрала, что ты сказал, Петенька... — пробормотала она, собирая посуду на поднос. — Аппарат мой барахлит.